БАЛКАНСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ В ПЛАНАХ ВОЕННОГО МИНИСТРА РОССИИ Д. А. МИЛЮТИНА

Восточный вопрос, один из центральных во внешней политике России, на протяжении XIX в., прошел несколько этапов своего разрешения. Но Россия всегда при этом учитывала помимо национальных интересов государства расстановку сил в Европе.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг., вызвавшая кардинальные изменения в судьбах народов Балканского полуострова, сказалась на политике России и других европейских стран.

После постановлений Берлинского конгресса восточный вопрос вступил в новую фазу своего развития. Турция была ослаблена, утратив власть над большей частью территорий Балканского полуострова и Средиземноморья.

Известно, сколь разочаровали русское общество принятые в Берлине решения. Славянофильские круги и их лидер И. С. Аксаков говорили даже о «предательстве в поведении русской дипломатии на конгрессе», о добровольном ее отказе от успехов, добытых кровью солдат¹. Канцлер А. М. Горчаков, глава российской делегации на Берлинском конгрессе, в письме к Александру II, как бы оправдываясь перед ним за неудачу, замечал: «Берлинский трактат есть самая черная страница в моей служебной карьере...» «И в моей тоже»², — записал царь. Историки, часто приводя эту цитату как подтверждение неудовлетворенности не только общества, но и правительства результатами войны, забывают о другой оценке того же события, высказанной императором в те же годы. Я имею в виду его отзыв на статью Б. Н. Чичерина «Берлинский конгресс перед русским общественным мнением», лишь частично опубликованную автором³. Видный ученый в отличие от критиков трактата весьма убедительно обосновал целесообразность компромиссов, на которые вынуждена была пойти российская делегация во избежание новой войны. Чичерин считал, что, исходя из общей обстановки (внутренней и международной), подписанный мир был благоразумен. Возражая сторонникам активных действий на Востоке, он говорил об опасности для России захвата Константинополя, что не усилило, а ослабило бы ее: «Центр тяжести перенесся бы на юг, и Россия перестала бы быть Россией»⁴. Александр II, читая статью, подчеркнул эту последнюю мысль, заметив: «Совершенно справедливо»⁵. Иными словами, царь разделял и суждения противников подписанного в Берлине соглашения, и его сторонников, что характерно для поведения и действий императора: колебания и сомнения были свойственны его натуре.

Оценку результатов войны, высказанную Б. Н. Чичериным, поддерживали такие российские газеты, как «Голос», «Биржевые ведомости»; ее разделял и военный министр Д. А. Милютин. «Если достигли хоть только того, что теперь уже конгрессом постановлено, — записал он в дневнике, — то и в таком случае огромный шаг будет сделан в историческом ходе восточного вопроса. Начатое нами дело несомненно довершится самою силою вещей»⁶.

Этот взгляд на итоги войны как на успех России, изменивший ситуацию на Балканах, он пытался отстаивать в своей практической деятельности. Милютин, как и многие политики, сознавая несовершенство Берлинского трактата, считал необходимым выполнение его условий как Портой, европейскими правительствами, так и независимыми Балканскими государствами.

После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Д. А. Милютин отвергал усилия сторонников «радикального» решения восточного вопроса, отстаивая необходимость поддержания статус-кво на Балканах. Исходя из реалий внутренней и международной жизни, он ратовал за улучшение отношений с Турцией, что нашло отражение в подписанном в 1878 г. русско-турецком договоре⁷. Не без участия Милютина в 1879 г. в Константинополь была направлена миссия генерала Н. Н. Обручева с письмом

* Киняпина Нина Степановна, доктор исторических наук, профессор Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Александра II к султану, в котором содержалась просьба императора содействовать утверждению мира на Балканах и не держать турецкие гарнизоны в Румелии после вывода оттуда российских войск. По оценке болгарского историка Б. Самарджиева, миссия Н. Н. Обручева явилась одной из причин решения Абдула Хамида II не вводить турецкие войска в эту провинцию. Султан опасался, полагал ученый, конфликтовать с болгарским населением Восточной Румелии, за спиной которого стояла Россия⁸.

Александр II выделял Д. А. Милютина среди своих министров, ценил его ум и дельные предложения. Как военный министр тот был постоянным участником межведомственных совещаний, где нередко обсуждались внешнеполитические вопросы. Глубоко аргументированные высказывания Милютина нередко определяли ход дискуссий и влияли на принятие окончательных решений. Роль военного министра при рассмотрении внешнеполитических вопросов возросла с конца 1870-х — начала 1880-х гг., когда А. М. Горчаков отошел от дел и уехал на лечение за границу. Фактическое руководство министерством иностранных дел осуществляли Н. К. Гирс, помощник канцлера, дипломат трезвый и достаточно гибкий, и Д. А. Милютин.

Балканы и Ближний Восток в эти годы привлекали особое внимание Милютина. После оккупации Англией Кипра и Египта она становилась серьезной соперницей России в районе Проливов и Средиземноморья, а на Балканах с оккупацией Боснии и Герцеговины наиболее сильным конкурентом выступала Австро-Венгрия. «Австро-Венгрия старается подчинить себе Сербию и Черногорию... вообще она претендует на Балканы»⁹, — считал Д. А. Милютин.

Естественно, что Россия собственными силами при слабом флоте и отсутствии крупных капиталов не могла противостоять натиску Великобритании и Австро-Венгрии. Позиция Франции в эти годы, хотя и не по всем вопросам, была ближе к государствам англо-австрийского блока, чем к России. Державой, способной нейтрализовать западноевропейские правительства, несмотря на разочарование, вызванное поведением Бисмарка на Конгрессе, в Петербурге по-прежнему считали Германию.

Взгляды на восстановление Союза трех императоров, созданного в 1872—1873 гг., в правительстве России разделяли Н. К. Гирс, Д. А. Милютин, министр финансов Н. Х. Бунге, многие политические деятели государства. Им противостояли прежде всего славянофильские круги, порицавшие действия Германии и Австро-Венгрии; долгое время противником сближения с Германией был наследник престола, будущий император Александр III.

Необходимость выхода из политической изоляции, важность решения торгово-экономических вопросов заставили российское правительство пойти на переговоры с Германией (первоначально без участия Австро-Венгрии), которые велись в Берлине в 1879—1881 гг. между канцлером О. Бисмарком и русским послом в Германии П. А. Сабуровым. Филигранный анализ переговоров и русско-германо-австрийского договора, подписанного 18 июня 1881 г., дан в книге С. Д. Сказкина¹⁰. Его условия и длительные, предшествовавшие заключению союза споры доказывают, что наиболее существенными для России вопросами на переговорах были: Черноморские проливы и балканская проблема¹¹. С точки зрения Д. А. Милютина, внимательно следившего за переговорами, «ограждение Черного моря от вторжения английских эскадр» было главным вопросом в русско-германских переговорах¹².

К этому времени относится «Записка» Д. А. Милютина, озаглавленная «Мысль о возможном решении восточного вопроса в случае окончательного распада Османской империи». Она была составлена автором 5 октября 1880 г. и передана Александру II¹³. О важности этого документа для внешней политики России свидетельствует тот факт, что император распорядился передать «Записку» Н. К. Гирсу, активному участнику русско-германских переговоров и послу в Берлине П. А. Сабурову, т. е. дипломатам, которые непосредственно готовили соглашение и были знакомы со всеми тонкостями проводившихся тогда переговоров. Горчаков как противник русско-германского союза и старый человек — ему шел 82-й год — не был посвящен в русско-германские переговоры.

Суждения, изложенные в «Записке», хотя и были обращены в будущее, должны были помочь России в настоящем ее положении избежать неожиданностей, могущих произойти в случае распада Османской империи. Милютину, как и многим его современникам, окончательный распад владений Турции казался делом недалекого будущего. Сходные мысли о скором падении Османской империи как естественном процессе излагал еще в 1871 г. русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев¹⁴.

«Записка» Д. А. Милютина, представляющая собой рукопись на 6 листах, открывается рассуждениями автора о современном состоянии Османской империи и естественности ее ухода из Европы. Милютин не соглашается с утвердившимся мнением, что существование целостности владений Турции является условием европейского равновесия, а ее распад «как бы событием катастрофы». При этом он отмечает, что Россия не стремится к ускорению этого процесса. Но если это произойдет, то место Османской империи в Европе должна занять Конфедерация нескольких самостоятельных Балканских

государств, под общим покровительством Европы. В балканскую конфедерацию Милютин включал Румынию, Сербию, Черногорию, Болгарию, Албанию и Грецию. В состав конфедерации могли быть включены также Босния и Герцеговина с оставлением их под властью Австрии¹⁵. Что же касается самой Турции, то ее владения, по мнению Милютина, могут ограничиться Азиатским материком, а на Европейском континенте она удерживала бы за собой только Константинополь с прилегающей к нему территорией (Адрианонопольский вилайет), которая также входила бы в балканскую конфедерацию.

Разграничения между вновь образованными государствами должны были определяться этнографическими условиями данной страны. Каждое из государств конфедерации должно было иметь свою армию, конституцию и сохранять полную автономию в делах внутреннего управления¹⁶. В круг общих вопросов, объединявших конфедерацию, входили: а) меры охраны целостности и безопасности всех союзных государств, в том числе определение общих военных и политических мер; б) взаимные отношения между членами конфедерации; в) вопросы финансовые, экономические и юридические, решения которых члены конфедерации считают необходимыми и полезными.

Решение этих общих вопросов возлагалось совместно на Постоянный совет и на временно собираемый общий Союзный сейм. Постоянный совет предполагалось составить из членов, назначаемых от союзных правительств, по одному от каждого. Председатель избирался самими членами совета из своей среды. Союзный сейм составлялся из представителей, избираемых народными собраниями каждой страны в определенном числе, соразмерном с народонаселением каждого государства. Председателем сейма являлся председатель Союзного совета. Сейм собирался ежегодно для обсуждения и решения предложения Союзного совета.

Помимо перечня вопросов, входивших в компетенцию конфедерации, в «Записке» говорилось о ее взаимоотношениях с европейскими государствами, опекавшими Балканские страны. Контроль за этими отношениями призвана была осуществлять международная комиссия, состоявшая из представителей шести великих держав, которая должна была находиться в Константинополе. В случае недоразумений как между странами, входившими в конфедерацию, так и европейскими государствами, ни одна из сторон (конфедерация или Европа) «не может сама принимать никаких мер без соглашения с прочими великими державами». Внесение этой статьи в документ должно было помешать одной из европейских стран (вероятнее всего, Австро-Венгрии) оказывать исключительное воздействие на политику Балканских государств. Антиавстрийская направленность данного положения «Записки» подтверждается многочисленными пометами в дневнике Д. А. Милютина, хотя в самом документе не содержится упоминания об этой стране.

Переходя к военным вопросам, автор отмечал, что вооруженные силы конфедерации должны соответствовать внутренним потребностям охраны спокойствия и порядка. «Поэтому военные меры во всех государствах Союза подчиняются прямому контролю международной комиссии в Константинополе».

Мраморное море и Проливы признавались нейтральной территорией под непосредственным наблюдением международной комиссии. «Насильственное вступление в эту территорию всякого военного судна, без особого пропускного билета от международной комиссии, считается нарушением общеевропейского права», — говорилось в документе. «Для наблюдения за неприкосновенностью Проливов постоянно находится в означенных водах союзная эскадра из определенного числа военных судов каждой из шести великих держав. Береговые же укрепления Босфора и Дарданелл будут разоружены и скрыты»¹⁸.

Таково основное содержание «Записки», в которой из множества вопросов, связанных с восточной политикой России, избираются два первоочередных — вопрос о проливах и балканский. По первому Милютин предлагает сохранение прежнего режима закрытия Проливов, создание условий по недопущению его пересмотра. «Для нас желательно лишь одно, — писал он, — чтобы ни одна из европейских держав не присвоила себе преобладание на Балканском полуострове и в особенности не захватила в свои руки входа в Черное море»¹⁹. Эта позиция военного министра отражала реальную расстановку сил в Европе и внутреннее положение России, диктовавшее осторожную политику. После Крымской и последней русско-турецкой войны многие крупные политические деятели государства, к которым, бесспорно, принадлежал и Д. А. Милютин, не разделяли предложений части российских и иностранных дипломатов (в частности, А. И. Нелидова, П. А. Сабурова, О. Бисмарка), полагавших, что присоединение Россией Константинополя и Проливов вполне реальное дело. На подобные суждения Бисмарка, высказанные в ходе русско-германских переговоров 1879—1881 гг. (возможно, с провокационной целью), Д. А. Милютин заметил: «Это было бы неосуществимой мечтой, оно не было бы допущено ни Англией, ни другими морскими державами. Превращение Константинополя в вольный город есть также миф неосу-

щественный: это было бы равносильно передаче мнимого вольного города в руки Англии. Следовательно, остается одно возможное и вместе с тем наименьшее для нас невыгодное решение — оставление Константинополя во власти турок, но под контролем общеевропейской дипломатии и как составная часть Балканской конфедерации». Поэтому ближайшая задача России в отношении Проливов сводилась к стабилизации обстановки в регионе, которая не позволила бы одной из вырвавшихся вперед держав (имелась в виду Англия) овладеть ими.

Дружественная по отношению к России политика Балканских стран, прежде всего Болгарии, должна была содействовать реализации замыслов Петербурга. Не случайно решению балканской проблемы Д. А. Милютин уделяет преимущественное внимание.

Эта часть «Записки» военного министра вызвала критику С. Д. Сказкина, который находил единственным достоинством всего документа его «умеренность»²⁰. Рассуждение Милютина по устройству балканской конфедерации (у С. Д. Сказкина говорится о федерации), по мнению ученого, «исполнено было того политического прекраснотушения, той непрощенной заботы о судьбе других народов и государств, которые чаще всего являются основой для плохой политики»²¹. Проект Милютина историк считает нереальным, поскольку европейские державы, прежде всего Австрия, окажут противодействие созданию конфедерации, ибо для Вены единственно приемлемой формой существования балканских народов является «бесформенная куча мелких государств». План Д. А. Милютина оценивался С. Д. Сказкиным как «политический романтизм», корни которого он усматривал в московском славянофильстве и панславизме, далеко от петербургского бюрократизма²².

Представляется, что проект создания балканской конфедерации (не федерации) не такой уж «прекраснодушный». Он имел давнюю традицию, пользовался поддержкой балканской общности, хотя обещал при реализации немалые трудности. Это доказывается существованием балканских союзов в XIX—XX вв., каждый из которых имел внутренние причины как для образования, так и распада. При этом, думается, политика европейских стран, хотя и влияла на деятельность союзов, не определяла ее. Кроме того, вряд ли справедливо усматривать в идеях Милютина отклики «московского славянофильства и панславизма». Д. А. Милютин был самостоятельным политиком. Его суждения по восточному вопросу в конце 70-х гг. XIX в. были схожи с западником Б. Н. Чичериным и расходились в оценке результатов войны с близким ему ранее по взглядам Н. П. Игнатьевым.

Важнее другое — что план образования балканской конфедерации, изложенный в «Записке» Милютина, был внутренне противоречив. Автор ее одновременно выступал сторонником самостоятельности Балканских стран, предлагая ввести там конституционный строй, считаться с интересами балканских народов, и вместе с тем говорил об их «хаотическом состоянии», разрозненности и вражде между собой, что вызывало, с его точки зрения, необходимость при создании конфедерации «прямого и активного участия» европейских государств, не исключая даже временной оккупации.

Появление трактата Милютина следует связывать не только с русско-германо-австрийскими переговорами по восстановлению Союза трех императоров, где главным образом был восточный, но и с событиями на Балканах, беспокоившими Россию. После утраты Портой власти над большей частью балканских народов, правящие круги Турции усилили националистическую пропаганду среди мусульманского населения Османской империи. В результате этих действий произошли выступления мусульман против христиан в Восточной Румелии, на границах Македонии и в Константинополе²³. Англия и Австро-Венгрия поддерживали эту нестабильность на Балканах, рассматривая ее как лишнее доказательство слабости позиций России в регионе. В 1880 г. осложнились греко-турецкие отношения по пограничным вопросам. Территориальные претензии Греции на Эпир, Фессалию, часть территории Македонии, обсуждавшиеся в греко-турецкой комиссии, не дали положительных результатов. Но Греция не отказалась от своих требований: ею закупалось оружие, создавались добровольные отряды. Некоторое время эти действия не беспокоили Порту, которая считала их «чистейшей демонстрацией»²⁴. Положение Турции осложнялось приходом в апреле 1880 г. к власти в Англии либерального правительства Гладстона, поддерживавшего многие требования греков, а также македонских болгар. Эти обстоятельства ускорили решение султана о передаче Фессалии Греции. В это время Черногория, которая по условиям Берлинского договора должна была получить земли в сторону албанской границы, заявила Турции о своих правах. Новое столкновение Балканских государств с Портой казалось вполне вероятным. Об этом сообщал из Афин русский поверенный в делах Данзас: «Кажется по одному сигналу афиняне, сербы, черногорцы и болгары бросятся на турок, каждый со своей стороны, расколов, таким образом, турецкие силы, что будет способствовать успехам греческой армии»²⁵. Но Балканские страны в этой ситуации не столько стремились к единству действий, направленных против Порты, сколько отстаивали свои государственные интересы, которые нередко противоречили друг другу. Так, болгарский князь, в частности, пытался осуществить идею болгар по

объединению Восточной Румелии с Княжеством. Но болгарское правительство и европейские страны в 1880 г. посчитали этот акт преждевременным²⁶.

В обстановке возможного столкновения балканских армий с турками, а также противостояния между балканскими правительствами «Записка» военного министра, признанная Александром II выражением официального общественного мнения по восточному вопросу²⁷, предлагала один из возможных вариантов нового устройства Балканских стран.

Сам факт появления обстоятельного документа по восточному вопросу, составленного не дипломатом, а военным министром и переданного Александром II крупным чинам министерства иностранных дел,— свидетельство не только высокого авторитета Д. А. Милютина в российских правящих кругах, но и показатель напряженности в международных отношениях на Балканах и в районе Проливов. Российское правительство, считавшее эти вопросы для себя ключевыми, высказывало через Милютина свои суждения на этот счет. Они отличались умеренностью, соответствовавшей положению России и ее планам в те годы. Уязвимость конкретных предложений Милютина, прежде всего по балканскому вопросу, отражала в значительной степени внутреннюю противоречивость правительственной программы в восточном вопросе, направленную на сохранение статус-кво в регионе. Реализации этой программы были подчинены конкретные предложения Милютина. Они были направлены на объединение усилий всех европейских правительств и балканских народов по восстановлению мира. Ради решения этой задачи, думается, Милютин не выделял ни одну из великих держав, когда писал о покровительстве Балканским странам «всей Европы». То же относится к самой конфедерации, где предполагалось равенство всех ее субъектов, их взаимосвязь и взаимозависимость. Но осуществить разумный проект Милютина при остроте противоречий между Балканскими странами и великими державами в 1880-х гг. не удалось. Однако идеи по созданию балканской конфедерации не были забыты. В 90-х гг. XIX в. — начале XX в. они, хотя и в суженном виде, вновь обрели жизнь.

Примечания

¹ Аксаков И. С. Собр. соч. Т. 1. М., 1886. С. 300—301.

² Светлейший князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах о прошлом//Русская старина. 1883. № 10. С. 179.

³ Чичерин Б. Н. Воспоминания. Т. IV. Земство и Московская дума, М., 1934. С. 81—82.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Сказкин С. Д. Дипломатия А. М. Горчакова в последние годы его канцлерства. Международные отношения. Политика. Дипломатия. М., 1964. С. 419. Ученый предположительно считал автором статьи или А. М. Горчакова или кого-то из его окружения.

⁶ М и л ю т и н Д. А. Дневник. Т. III. М., 1950. С. 69—70.

⁷ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952. С. 207—210.

⁸ Самарджиев Б. Някои аспекти на турската политика в Княжество България. Национално-освободителни движения на Балканите в края на XIX в. София, 1976. С. 10—11.

⁹ Милютин Д. А. Указ. соч. С. 261.

¹⁰ С к а з к и н С. Д. Конец австро-русско-германского Союза. Изд. 2. М., 1974.

¹¹ См.: Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. С. 128—133.

¹² М и л ю т и н Д. А. Указ. соч. С. 188.

¹³ Рукописный отдел Российской Государственной библиотеки (далее — РО РГБ), ф. 169 (Д. А. Милютин) картон 38/49. На эту «Записку», не рассматривая ее обстоятельно, обратил внимание П. А. Зайончковский во вводной статье к первому тому «Дневника» Д. А. Милютина.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 730, д. 538, 1871 г., л. 16. Оба автора считали, что «уход» Турции из Европы не потребует усилий держав, а будет естественным процессом. Такого же мнения придерживался и новый глава английского либерального правительства Гладстон, утверждавший, что Турцию надо возвратить в Азию. (См.: Радев С. Строителите на съвременна България. Т. 1. София, 1973. С. 213.

¹⁵ РО РГБ, ф. 169, картон 38/49, л. 4.

¹⁶ Там же, л. 4 об.

¹⁷ М и л ю т и н Д. А. Указ. соч. С. 252, 276—280.

¹⁸ РО РГБ, ф. 169, картон 38/49, л. 6—6 об.

¹⁹ Там же, л. 2 об.

²⁰ Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза. С. 166.

²¹ Там же. С. 167.

²² Там же.

²³ АВПРИ, ф. Отчеты МИД, 1879 г., л. 14—24 об.

²⁴ АВПРИ, ф. Главный архив V — А₂, 1880, оп. 181, д. 910, л. 161.

²⁵ Там же, д. 91, л. 69.

²⁶ Р а д е в С. Указ. соч. 213—216; АВПРИ, ф. Главный архив, 1880, д. 915, ч. 1, л. 57, 72.

²⁷ См.: Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза. С. 164.